

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Цена 40 коп.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет назад, в Таганроге, в чеховские дни Мария Павловна, сестра Чехова, рассказывала мне о том, как работала Антон Павлович.
Этот рассказ навсегда врезаюсь мне в память:
— Антоша!
— Не слышит.
— Антошенька! Посмотри на часы. Уже полчасика восьмого.
— Погоди, Машенька.
— Опоздаем в театр.
Молчит.
А сам все пишет.
Быстро-быстро. И не смотрит на бумагу.
Шея выгнута. Глаза неподвижно устремлены куда-то вдаль, широко открыты и светятся, как пламя.

ДОБРОЕ, БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

Валентин КАТАЕВ

Помню, Мария Павловна именно так и сказала: как пламя.
Дивительно живо представлялась вся картина: пишущий Чехов с глазами, как пламя. В это время он ничего не видел и не слышал вокруг себя. Все происходило в нем. Это была таинственная, сокровенная минута перевоплощения — самое драгоценное свойство подлинного художника.
Без этого дара перевоплощения, когда художник является в одно и то же время и творцом, и собственным творением, писатель, как бы талантлив он ни был, никогда не делается великим.
Антон Чехов был писатель великий. У него был врожденный дар перевоплощения. Он был художник, как говорится, мясостью божей.

Именно. И если разобраться, он действительно всегда твердо держал своей благой программы, которая жила в мире и поныне.

Интересно мнение о Чехове и Анри Барбюса. Однажды он спросил меня, каких французских писателей я ставлю выше всего. Я назвал несколько прославленных имен, в том числе Мопассана.
— Мопассан! — воскликнул Барбюс в сильнейшем волнении. — Нет, вы путаете! Как! Вы, русский, можете назвать великим писателем Мопассана, в то время как у вас есть такой действительно великий, действительно гениальный, ни с чем не сравнимый писатель, как Антон Чехов!

А ведь еще на моей памяти считалось большим комплиментом Чехову, когда говорили, что он русский Мопассан.

Русский читатель признал и полюбил Чехова, прежде чем современная критика поняла его истинные масштабы. Даже после смерти писателя в энциклопедии «Провещения» в статье проф. Скабичевского, который прославился своим полным непониманием значения Чехова, Антон Павлович квалифицирован всего лишь как «известный беллетрист».

Невероятно, но это так!

Будучи писателем всемирным, Чехов прежде всего писатель русский. В нем соединились все лучшие качества русского национального характера: — широкий, свободный, независимый, гордый; правдолюбие — неутомимое стремление к истине; горячая любовь к своей родине и к своему народу, бескорыстное, подвижническое служение этому народу.

И, конечно, — поразительный талант.

Говоря о писательском таланте — как теперь принято говорить «мастерстве» — Чехова, я имею в виду ту высшую простоту, скромность художественных средств, которые в руках подлинного художника стоят гораздо дороже самых изощренных словесных построений и метафор, многосложных архаизмов и кустарных поделок под якобы народную речь в духе чеховского Епиходова, словом, без всего того ложно художественного, что многие критики и до сих пор продолжают самоуверенно называть «сочным», «ярким», «красочным» и чего Чехов терпеть не мог.

В смысле простоты изобразительных средств, и в первую очередь языка, со всей его возможной точностью, краткостью и ясностью, Чехов является продолжателем лучших образцов классической русской прозы, которые нам подарил Пушкин и в особенности Лермонтов в «Герое нашего времени».

Кроме Льва Толстого, никто из современных Чехову писателей не мог сравниться с ним по силе языка и вместе с тем по его удивительной прозрачности, почти неощутимости, в чем, как мне кажется, Чехов зачастую превосходил даже самого Толстого.

Чехов был новатором в области литературной формы. Подобно тому, как Пушкин преобразовал русский стих, приблизил его к живой разговорной речи, так же и Чехов преобразовал русскую прозу, сделав ее язык более скатым, емким, почти объемным и так же еще более разговорным, демократическим, народным.

Его новаторство, между прочим, заключалось также и в том, что он не усложнял тех элементов русской прозы, которые были выработаны до него целыми поколениями писателей, и не привнес в художественную ткань различные изобразительные красоты и изысканства, а, напротив, стирая очевидный язык от всего лишнего, в течение многих лет наросшего на нем, как ракушки на киле корабля. Как бы это лишнее ни казалось красиво, заманчиво-художественно, Чехов его беспощадно удалял, оставляя только то, что было абсолютно необходимым.

Этим и объясняется та волшебная легкость, с которой казалась созданная Чеховым фраза, каждый образ, каждая мысль доходя до сознания читателя и мгновенно усваивающаяся. Нет ничего лишнего. Оттого-то Чехов, как принято говорить, так «легко читается». Чем проще, тем легче.

Эта высшая простота — плод неутомимого писательского труда, громадного творческого усилия. Она дается лишь истинному таланту.

Навостно, как нежно любил Чехова Лев Толстой. По его мнению, никто не звянул русскую прозу так далеко вперед, как Чехов. Толстой назвал Чехова Пушкиным русской прозы. До настоящего времени еще никому из русских писателей не удалось в области формы пойти дальше Чехова.

Он достиг величайшего совершенства в умении соединить два элемента художественной прозы — изобразительный и повествовательный — в одно общее целое. До Чехова повествование и изображение, обычно даже у самых тонких мастеров, например, Тургенева, да заключались разрозненно в отдельные главы, почти всегда чередуясь, не сдвигаясь друг с другом. Описание шло своим чередом, повествование — своим, одно после другого.

В поразительно сильном изобразительном и повествовательном — одно из открытий Чехова.

У Чехова почти никогда не бывает безудных пейзажей. У него пейзаж слит с человеком. Пейзаж и человек дополняют друг друга. Вот в чем принципиальная разница между пейзажем Чехова и пейзажем Левитана, хотя почему-то принято их считать очень родственными. А по-моему — ничего положего.

Чехов достиг величайшего совершенства в умении коротко, сжато, как бы вскользь, между прочим и почти незаметно для читателя дать законченный портрет человека. Причем это вовсе не эскиз, не беглая подмалевка. Нет. Это нечто вполне законченное, даже монументальное.

Дар перевоплощения помогает Чехову найти для каждого персонажа свой стиль, неповторимую интонацию. Чехов поразительно музыкален.

Свои повести и рассказы он строит, как стихотворения, подтаянная строгая, сжатая ритмической форме. Это позволяет ему в маленькую повесть вместить (Окончание на 3-й стр.)

ЛЮБОВЬ И ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Вчера на Новодевичьем кладбище, у могилы Антона Павловича Чехова, состоялся митинг. Его открыл председатель Всесоюзного юбилейного комитета Конст. Федин.

— Мы собрались здесь, — сказал он, — чтобы выразить наши чувства великому русскому писателю, значение которого для потомства с каждым годом становится все более и более ясным.

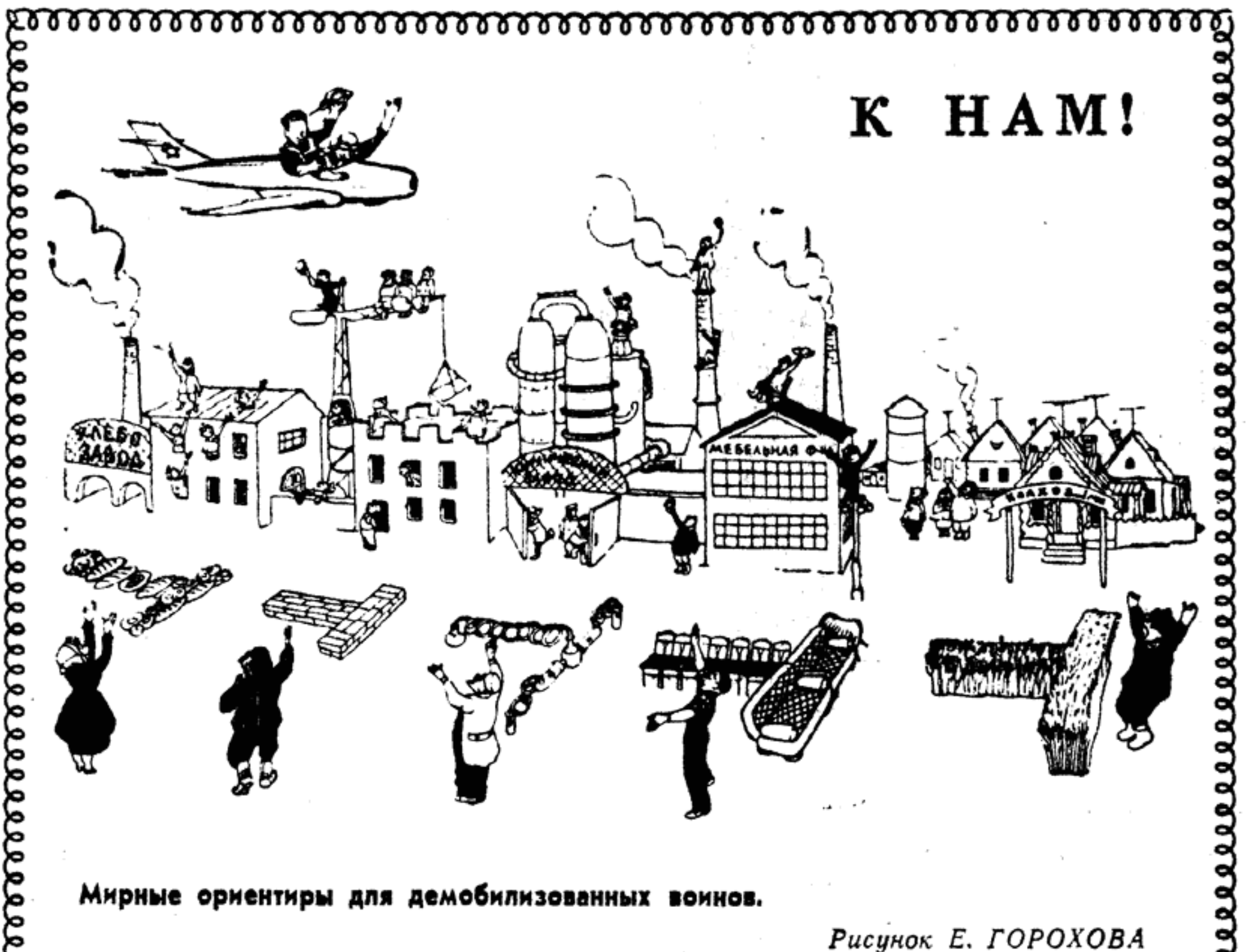
В Станциях выступил от имени артистов Художественного театра, которые с огромной и трепетной благодарностью, с чувством беззаветной любви вспоминают Антона Павловича Чехова — великого автора МХАТа и постоянного спутника всего советского театра.

— Далека от нас чеховская Россия, но близок и бесконечно дорог всем нам великий художник слова Чехов, на творчество которого воспитываются многие поколения советских людей, — сказала в своей речи представительница Московского Совета депутатов трудящихся Е. Преславская.

О мировом значении А. П. Чехова говорил А. Собронюк, выступавший по поручению Всесоюзного комитета защиты мира. Выступивший сад чеховской драматургии и прозы, сказал он, идет на всех континентах.

От имени таганрожцев — земляков А. П. Чехова — выступила с речью Н. Устищенко.

На могилу великого писателя было возложено много венков.

Мирные ориентиры для демобилизованных воинов. Рисунок Е. ГОРОХОВА

МИР БЕЗ ОРУЖИЯ. 196... ГОД

Как мы будем жить без «холодной войны»?

Норман КАЗИНС, американский писатель

ПРЯМЫЕ переговоры между руководителями великих держав — необходимое предварительное условие прочного мира.

Но не следует допускать, чтобы эти переговоры стали самоцелью. Они должны привести к конкретным и достоящим серьезным мерам, благодаря которым в интересах всех народов в мире возвратится прочная безопасность и здравый смысл. Ибо собрать верховных руководителей — еще недостаточное. Мы должны собрать воедино высшие идеи. Права народов земного шара — право жить в мире, избавленном от войны; право дышать незараженным воздухом, пить незараженную воду, есть незараженную пищу; право развиваться; право жить, не зная тирании и угнетения. — это важнейшие права, и их следует гарантировать безотлагательно.

Я полагаю, что эти права надежнее всего удастся обеспечить в том случае, если страны сами поднимутся господству закона.

В наше время страны существуют в условиях мажорного беззакония. Нет никакого зафиксированного свода международных законов, никакого аппарата для их проведения в жизнь на основе справедливости.

Поэтому, на мой взгляд, одна из важных целей совещания в верхах должна заключаться в том, чтобы помочь подготовить условия, при которых можно будет положить конец эпохе мировой анархии и открыть эпоху мировой законности. Короче говоря, на руководителях мира ложится обязанность — превратить ООН в организацию, которая сможет вводить, осуществлять на практике и истолковывать международные законы на основе справедливости в интересах всех народов мира, — причем у руководителей есть возможность эту обязанность выполнять.

Почему я говорю это? А потому, что целью совещания в верхах должно быть не только достижение новой договорности или ряда новых, наскоро разработанных соглашений о разграничении сфер влияния отдельных стран. Такое совещание должно заняться основными факторами вызывающими в мире напряженность и бесконечность. В более широком смысле слова это означает, что никакое совещание в верхах не сумеет опавать надежд народов мира, если оно не попытается взяться за самый решающий фактор XX столетия, а он заключается в том, что абсолютный национальный суверенитет не может обеспечить прочного мира, не может обеспечить надежной защиты дела свободы, не может послужить интересам человечества, находящегося в процессе развития. Действительно, абсолютный национальный суверенитет — питательная среда для мировой анархии и тех кризисов, которые коренятся в самой ее сущности.

Идеологические расхождения между коммунизмом и демократией придают этой анархии изменчивый и неуловимый характер; но было бы ошибкой предполагать, что одной только ликвидации идеологического конфликта было бы достаточно, чтобы сам собой волялся мир. Столкновение противоречивых национальных интересов Советского Союза и Соединенных Штатов выходит за пределы идеологических расхождений, хотя и эти идеологические расхождения тоже достаточно реальны — они дают толчок коренным расхождениям между государствами и усиливают их.

Люди, стоящие на самом верху, разумеется, неслучайно заявить друг другу, что они должны сперва учредить высший орган, а затем подчиниться ему, но существо проблемы именно в этом. Как высшим представителям абсолютного суверенитета, им неслучайно также предложить объединение национальных суверенитетов отдельных стран в единый общий суверенитет. Но как бы то ни было — легко это или трудно, — а такова цена, которую надо заплатить за прочный мир.

Руководители стран, возможно, задумаются над следующим вопросом: почему считается неразумным разрешить отдельным гражданам иметь собственное оружие, а в то же время считается совершенно нормальным, чтобы страны обладали средствами уничтожения, с помощью которых можно стереть с лица земли все плоды эволюции человека, включая 600 тысяч лет. Покуда ядерное оружие и средства массового уничтожения не будут запрещены законом, — а по существу, покуда страны не будут опираться в

своих отношениях на законность, — внутренние законы стран могут рассматриваться лишь как примитивные наработки этого процесса.

Разрешите мне на минуту отвлечься. Все мы: американцы, русские, англичане, французы, китайцы, японцы, египтяне, тайландцы — существуем в двух совершенно различных мирах. Первый из этих миров — старый, знакомый, ясный, легко восприимчивый и недееспособный. Это мир, в котором страны действуют так же, как действовали всегда. Они знают из опыта, что ведут существование, полное риска и неожиданности: что в жизни часто случаются нападения из-за угла и что все, чем они обладают, у них может быть внезапно отнято. Поэтому они настаивают на производстве оружия массового уничтожения. Они пытаются сохранить безопасность с помощью силы. Если эта сила недостаточна, они пытаются объединить ее с силами других стран — в том случае, когда они связаны какой-то общностью интересов.

Вопрос морали в таком мире не имеет никакого отношения к существу дела, ибо не может быть никакой морали там, где предполагается постоянное столкновение интересов и где грубая сила определяет окончательный облик истории.

Посмотрим теперь, что представляет собой второй мир. Это новый, сложный, суровый, трудный мир; это мир опасный и в то же время подающий надежды. Это мир, меняющий чуть ли не все и вся. Он физически преобразил природу — огромные расстояния перестали существовать. Держание и могущество человека не знают никаких осязательных пределов. И что всего важнее — может быть пушено в ход ядерное оружие, и тогда целые страны и их народы будут стерты с лица земли.

Такой новый мир обрекает нас на суровое существование. Он требует очень большой понятливости, его нельзя подвергать беспредельному напряжению. Он не станет сам собой руководить. Им нужно руководить, но люди, которые им руководят, должны знать, что они делают. В этом отношении он так же суров, требует таких же трудов и усилий, как сложнейшие науки, ведомые человеку.

Наибольшее напряжение в таком мире вызывает неограниченный национальный суверенитет. Именно в этой сфере между двумя мирами — старым

и новым — возникает конфликт. Насколько бы логичным и естественным ни казалось той или иной стране утверждать свой суверенитет с помощью силы или демонстрации силы в рамках старого мира, с его заговорами и контрзаговорами, «соперничествами» и равновесием сил, — в изменившихся условиях нового мира абсолютный национальный суверенитет становится недееспособным. Военная победа — высшее достижение суверенитета — отныне уже невозможна. Страны больше не могут объявлять войну или вести войну; они могут объявлять или осуществлять взаимное самоуничтожение.

Мы существуем в двух различных мирах, но нам приходится жить по старому. Решения, может быть, будут приняты на том уровне мысли, который присущ старому миру, но последствия их будут иметь место уже в новом мире. Страна, руководствующаясь прежде всего традиционными эгоистическими представлениями, быстро потеряет свою основную силу, ибо реальная сила в новом мире измерится в наших днях не столько запасами оружия, сколько способностью страны повести за собой значительное большинство народов земного шара, ее моральной позицией, ее способностью признавать новые реальные факторы, ее стремлением не применять силу, а держать ее под контролем, ее готовностью добиваться подлинного господства законности в мире.

Существование в этом новом мире не означает, что мы должны игнорировать наличие конфликтующих между собой идеологий. Оно просто означает, что мы должны создать новые формы соревнования между ними. Соединенные Штаты и Советский Союз должны вызвать друг друга на соревнование, в котором каждая из этих стран должна будет показать, как много она может сделать для человеческого общества.

Мы можем найти приложение для своих сил и ресурсов, всецело посвятив их борьбе за лучший, более устойчивый мир. Мы должны провозгласить свою готовность быть членами новой ООН, отказавшись от права вето и обладая способностью проводить в жизнь международные законы. Мы должны ратовать за создание постоянных вооруженных сил ООН — достаточно мощных, чтобы отпугнуть агрессора, достаточно мощных, чтобы осуществлять инспекцию в качестве одной из мер Действительного контроля над ядер-

ным оружием, достаточно мощных, чтобы сохранять мир на земле.

В XX столетии человек уже не может служить своей стране только тем, что будет кричать в ее честь «ура» каждый раз, как она предпримет какие-то усилия, чтобы оградить свои интересы. Пришла пора всем людям прийти на помощь всему человечеству и оценивать все действия и политические курсы в зависимости от того, в какой мере они способствуют установлению разумной жизни на земле.

Никакая политика Соединенных Штатов или Советского Союза не будет иметь смысла, если она не разработана с учетом особенностей ситуации, в которой сейчас очутилось человечество, если она не направлена на то, чтобы устранить колоссальную опасность, нависшую сейчас над человеческим обществом. Человек прежде всего — представитель рода человеческого, а уж только потом представитель той или иной страны, той или иной культуры, той или иной конкретной группы людей. Однако род человеческий, как таковой, никак не представлен в современном мире. У него нет своей организации. Нет представителя, который говорил бы от его имени. Нет международного закона, который только один и может послужить ему защитой.

Таким образом, проблема в самом широком плане заключается в следующем: необходимо разорвать пути старых представлений и методов — заговоры и контрзаговоры, террора и контртеррора, отказаться от всех устаревших идей относительно неограниченного национального суверенитета. Если мы не возьмемся именно за эту проблему, то будем только попусту тратить энергию, навлекая на себя новые опасности и упуская открывающиеся перед нами возможности.

Пора народам обратить внимание правительства на то, что интересы человека следует ставить выше интересов государств. Принцип абсолютного национального суверенитета не служит интересам человека, и его следует должным образом изменить. Условия государства должны быть направлены на то, чтобы обеспечить человеку его естественные права, а не на то, чтобы их уничтожить; и если существующие институты не служат обеспечению этих естественных прав, то следует создать новые институты.

НЬЮ-ЙОРК

и новым — возникает конфликт. Насколько бы логичным и естественным ни казалось той или иной стране утверждать свой суверенитет с помощью силы или демонстрации силы в рамках старого мира, с его заговорами и контрзаговорами, «соперничествами» и равновесием сил, — в изменившихся условиях нового мира абсолютный национальный суверенитет становится недееспособным. Военная победа — высшее достижение суверенитета — отныне уже невозможна. Страны больше не могут объявлять войну или вести войну; они могут объявлять или осуществлять взаимное самоуничтожение.

Мы существуем в двух различных мирах, но нам приходится жить по старому. Решения, может быть, будут приняты на том уровне мысли, который присущ старому миру, но последствия их будут иметь место уже в новом мире. Страна, руководствующаясь прежде всего традиционными эгоистическими представлениями, быстро потеряет свою основную силу, ибо реальная сила в новом мире измерится в наших днях не столько запасами оружия, сколько способностью страны повести за собой значительное большинство народов земного шара, ее моральной позицией, ее способностью признавать новые реальные факторы, ее стремлением не применять силу, а держать ее под контролем, ее готовностью добиваться подлинного господства законности в мире.

Существование в этом новом мире не означает, что мы должны игнорировать наличие конфликтующих между собой идеологий. Оно просто означает, что мы должны создать новые формы соревнования между ними. Соединенные Штаты и Советский Союз должны вызвать друг друга на соревнование, в котором каждая из этих стран должна будет показать, как много она может сделать для человеческого общества.

Мы можем найти приложение для своих сил и ресурсов, всецело посвятив их борьбе за лучший, более устойчивый мир. Мы должны провозгласить свою готовность быть членами новой ООН, отказавшись от права вето и обладая способностью проводить в жизнь международные законы. Мы должны ратовать за создание постоянных вооруженных сил ООН — достаточно мощных, чтобы отпугнуть агрессора, достаточно мощных, чтобы осуществлять инспекцию в качестве одной из мер Действительного контроля над ядер-

ным оружием, достаточно мощных, чтобы сохранять мир на земле.

В XX столетии человек уже не может служить своей стране только тем, что будет кричать в ее честь «ура» каждый раз, как она предпримет какие-то усилия, чтобы оградить свои интересы. Пришла пора всем людям прийти на помощь всему человечеству и оценивать все действия и политические курсы в зависимости от того, в какой мере они способствуют установлению разумной жизни на земле.

Никакая политика Соединенных Штатов или Советского Союза не будет иметь смысла, если она не разработана с учетом особенностей ситуации, в которой сейчас очутилось человечество, если она не направлена на то, чтобы устранить колоссальную опасность, нависшую сейчас над человеческим обществом. Человек прежде всего — представитель рода человеческого, а уж только потом представитель той или иной страны, той или иной культуры, той или иной конкретной группы людей. Однако род человеческий, как таковой, никак не представлен в современном мире. У него нет своей организации. Нет представителя, который говорил бы от его имени. Нет международного закона, который только один и может послужить ему защитой.

Таким образом, проблема в самом широком плане заключается в следующем: необходимо разорвать пути старых представлений и методов — заговоры и контрзаговоры, террора и контртеррора, отказаться от всех устаревших идей относительно неограниченного национального суверенитета. Если мы не возьмемся именно за эту проблему, то будем только попусту тратить энергию, навлекая на себя новые опасности и упуская открывающиеся перед нами возможности.

Пора народам обратить внимание правительства на то, что интересы человека следует ставить выше интересов государств. Принцип абсолютного национального суверенитета не служит интересам человека, и его следует должным образом изменить. Условия государства должны быть направлены на то, чтобы обеспечить человеку его естественные права, а не на то, чтобы их уничтожить; и если существующие институты не служат обеспечению этих естественных прав, то следует создать новые институты.

НЬЮ-ЙОРК

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

- ★ Слово о Чехове Валентина Катаева.
- ★ Полемика. Статья Нормана Казинса и ответ О. Прудкова.
- ★ Степан Щипачев о литературе последних лет.
- ★ Стихотворение Вельсо Муччи в переводе Константина Симонова.
- ★ О нашем быте пишет Ирина Головань.
- ★ Короткие рассказы Юрия Куранова.
- ★ Андре Стиль комментирует события в Алжире.
- ★ Снова открыт наш «Литературный музей».

(Окончание на 2-й стр.)

Жить будем иначе!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

живет, развивается и приобретает с каждым годом все большее и большее значение.

Впрочем, в рассуждениях мистера Казинса разговор об «анархии» лишь предлог, увертюра к главной теме — требованию отказаться от государственного суверенитета.

Казинс не только констатирует печальное отсутствие законности. Он дает совет, как изменить это положение и установить в мире идеальный порядок. Оказывается, достаточно превратить ООН в наднациональный орган, как исчезнут, видимо, в мистическом тумане и гонка вооружений, и германский вопрос.

Общине равноправных государств — основная идея международного права. Мешает суверенитет человечеству или же укрепляет шансы на сохранение мира? Я не говорю об абсолютном неограниченном суверенитете. В статье мистера Казинса этот термин встречается несколько раз, и это — чистейшее недоразумение. Абсолютного суверенитета просто не существует. Государство, вступающее в отношения с другим государством, берет на себя определенные права и обязанности, так или иначе на взаимных основах ограничивая себя в своих действиях. По мнению мистера Казинса, суверенитет мешает установлению законности. Но представить на минуту, что произойдет, если при существующих социальных, экономических, политических условиях суверенитет будет упразднен. Ведь это, в сущности, приведет к упразднению международного права: у более слабого государства не будет никакой правовой охраны. Мистер Казинс рисует нам великолепный оазис законности, который возникает на месте зыбучих песков, но при ближайшем рассмотрении этот оазис оказывается миражем.

Решет мистера Казинса никак нельзя причислить к новинкам в методах лечения земного шара от недугов «холодной войны». Об этом говорит вся практика последних лет. Атака на национальный суверенитет исходит, как правило, от наиболее экспансионистских кругов, которые под этим флагом пытаются совершить захваты, нарушить международное право. После второй мировой войны многие акты политики «с позиции силы» проходили с пренебрежением к национальному суверенитету. Политические условия при подписании договоров о «помощи» — типичный пример нарушения суверенитета стран, более слабых экономически и политически, пример нарушения международного законности.

Конечно, суверенитет не будет существовать вечно. Когда-нибудь он исчезнет так же, как и само государство. Но сегодня для этого нет политических, социальных и экономических условий. Сегодня мы живем в мире, в котором бок о бок сосуществуют две системы — социализм и капитализм. Идеологические расхождения наши глубочайшие, и они сохраняются, борьба идеологий будет продолжаться. Но мы можем договориться по вопросам мира, в котором заинтересованы все, без различия идеологий. Неужели мистер Казинс все еще думает, что в рамках наднационального органа, органа, который будет диктовать свою волю всем государствам, можно разрешить все эти вопросы?

Каким будет мировой орган? Капиталистическим? Социалистическим? Прямого ответа в статье нет. Но этого и не требуется. Все становится ясным, когда знакомишься с практическими рекомендациями. Что предлагает автор статьи? Изменение характера ООН, отмену права вето, создание международных сил ООН. Все это старо, как мир. Отмены права вето в течение многих лет добивались поборники политики «с позиции силы». Это означало бы перенесение порочных приемов машинного голосования в Совет Безопасности, это превратило бы ООН в придаток американской политики. Где уж тут свободная дискуссия между суверенными государствами! Подняли руки, и все в полном американском порядке. Всякий раз, когда западные державы в Совете Безопасности пытаются обойти право вето, международное положение ухудшалось. Достаточно напомнить о кровопролитной войне в Корее, незаконно прикрытой флагом ООН.

Почему считается нормальным, чтобы страны обладали средствами вооружения? — спрашивает редактор «Саутердей ревью». Действительно, почему? Мы-то как раз и выступаем за то, чтобы уничтожить оружие всех стран, сдать его на слом, мы выступаем за всеобщее и полное разоружение. А за что выступает мистер Казинс? За создание мощных международных сил при ООН, в которой нет принципа единогласия великих держав и все решается по воле тех, кто владеет машиной голосования.

По мнению мистера Казинса, высшее «достижение» суверенитета — война. Я думаю, что высшее проявление суверенитета — мир. И этим он служит интересам человека, интересам человечества. Окончательный облик истории шестидесяти годов определит не ликвидация суверенитета, а укрепление международного законности, не грубая сила, а сосуществование суверенных государств, принадлежащих к различным социальным системам.

Здравствуй, отец!
Как я рад, что увидел тебя.
А теперь
Я отойду от витрины
И, оставив тебя одного
Там, за стеклом,
Поплыну во веселой реке
Праздничных улиц Ташкента.
И в приливе везения счастья,
Как мальчишка, буду нырять
Туда, где гримес смеется.
А когда надвинется вечер,
Я шагаю от тополя к тополи,
Не спеша дойду до колхоза,
У самой окраины города.
Осеннее небо повиснет
Листом голубого стекла
Над моею головою.
Над всем огромностью Азии,
Над хлопком, над виноградниками,
Над тополиною рощей.
И, возвратившись в город,
Я тебе понашу рукою:
Доброй ночи, отец!

Вольный перевод с итальянского
Константина СИМОНОВА

Комсомолец Станислав Рыков — один из лучших сталеваров завода «Запорожсталь». Его бригада обязалась каждую пятницу давать на 25 минут раньше смену, установленного нормой. Фото А. Красовского

Вельсо Муччи Здравствуй, отец!

Вчера я шел по Ташкенту
И вдруг увидел тебя,
На стене на фотопортрине
Среди фотографий людей
С черной и желтой кожей.
Узбекские мальчишки, как воробьи,
Пробирались вприспрыжку,
Чтобы, носом кинув в стекло,
Разглядеть их поближе.
Ты в театре сидел, у пороха,
Спрятывая массивные ноги,
И глаза на твоим молчаливым лице
Устало смотрели далеко-далеко...
Так устало смотрели,
Что именно эта усталость
Отличала тебя от того,
Кем ты остался
В моей памяти, в нашу последнюю
встречу.

Только эта усталость
И помогла мне понять,
Что на снимке был я,
А не ты.
Уже двадцать пять лет,
как ты умер.

Но сегодня, впервые, я понял,
Что за эти года
Лицо мое стало — твоим,
Стало даже усталей и старше,
Чем твоё незадолго до смерти...
Только подумать!
Сколько всего
Должно было в мире случиться,
Чтобы наше с тобой лицо
Пришло из Ломбардской долины
В Ташкент, на улицы эти.
Я уверен, что эта страна
Пришла бы тебе по душе.
У невеселых домов
Здесь стоят тополя;
И домам, и деревьям,
Всем хватает тут солнца.
И к людям.

Ты, конечно бы, тут привязался.
Они так же сильны и радушии,
Как твои земляки.
Но напрасно искать на их лицах
Ту горькую складку,
Что застыла на лицах твоих земляков,
Когда голод брал их за глотку
И швырял на поиск хлеба
Из деревни — за океан и обратно.
Сколько было дорог! Сколько сбитых
подметок!
Сколько лет, сколько бурь миновало.
Сколько было такого,
Что ты и не мог бы представить!

Ты бы, наверно, не понял.
Что было — то было. Много было,
Пока не нашел я дороги,
Что привела наши лица,
Твое и мое.
На эту фотопортрину в Ташкенте,
Так далеко от Ломбардии,
Что даже трудно представить!
Вот мы и встретились,
Вот и слышались наши лица,
Твое помолжало, мое — немного
постарше...

О литературе последних лет

ГОДЫ летят быстро, быстро летят и десятилетия. Мальчишки и девочки, которых сегодня родители водят в детский сад, уже довольно пожитыми людьми встретят за веселым застольем двухдвухдней Новый год, а там зашагает вперед двадцать первый век торжественно отпразднует человечество столетнюю годовщину Великого Октября... Многие из того, что мы создали в литературе, забудется. Время — самый объективный, самый мудрый критик: оно не будет считаться с литературными рангами, установленными нами сегодня, с тем, кто ходил в литературных ортодоксах, а кого критиковали, но мне кажется, не надо быть пророком, чтобы уверенно предсказать: наши потомки будут читать те книги, в которых больше верных примет нашего времени, в которых ярче всего раскрыт духовный мир теперешних людей.

Я боюсь слов, которые от частого употребления потеряли свою первоначальную силу. Мне хотелось начать этот абзац словами: «Мы живем в необыкновенное время». Но рука замерла на бумаге. Я подумал: не пролетят ли эти привычные слова мимо уха, не задевая сознания? А живем-то ведь мы на самом деле в необыкновенное время. Все, что было до нас, — предистория. Подлинная история человечества — это история борьбы с фашизмом, с ленинской «Азбукой» секретариата Ленина о мире и о земле. Она начала крадучимся, в тишине и в гонимой отставившей Советскую власть в годы гражданской войны; она начала тружениками пятилеток, героями Отечественной войны, рабочими, колхозниками, инженерами, учеными, работающими над выполнением семилетнего плана. Гул боев и работ, которыми наполнены эти десятилетия, будет не смолкаемым эхом перекачиваться по всем эпохам будущего.

Недавно мне довелось поспоротить с товарищами на обсуждении фантастического романа И. Ефремова «Туманность Андромеды», действие которого происходит примерно через тысячу лет. Автор описывает приближил к нам далекие звездные миры, показал людей, совершающих долготелетние межзвездные путешествия.

Сокращенная стенограмма доклада на общем собрании московских писателей.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
30 января 1960 г. № 13

Сокращенная стенограмма доклада на общем собрании московских писателей.

НЕОБХОДИМОЕ СЛОВО

С ПАСИБО! — сказала старая женщина, сидящая на передней скамье трамвая, когда к ней — по рукам пассажиров — добрался посланный кондуктор билет. Она произнесла это «спасибо» почти машинально, не вкладывая, разумеется, в него чувства особой благодарности за услугу пустячную и обидную. И все же на какое-то мгновение задрожали складки на ее худощавом хмурым лице, мелькнула даже тень улыбки. Все это возникло совершенно спонтанно — как бы под влиянием самого слова, которое она произговорила.

Впрочем, «как бы» здесь вовсе не требуется! Спасибо — на редкость симпатичное, доброе и в некотором смысле даже волшебное слово. Одно из его чудесных свойств заключается именно в том, что оно человек, произносящее слово благодарности, всегда хорошеет. Попробуйте сказать «спасибо» сердитым голосом с хмурым сдвинутыми бровями... Не получите! И вот что еще любопытно: тот, кто благодарит, получает такое же при этом удовольствие, как и тот, кому адресована благодарность. Можно утверждать с уверенностью: чем чаще доведется нам повторить свое «спасибо» в магазине, на улице, в столовой, на вокзале, и т. д., и т. п., — тем в лучшем настроении мы окажемся.

Да ведь оно и понятно: раз было что-то поблагодарить, значит, с нами хорошо обошлись, нас хорошо обслужили. Но что это значит — хорошо обслужить? Прежде всего, разумеется, предоставить возможность получить нужную вещь, товар, билет, бланко — просто, легко, без стояния в очередях, без утомительных поисков.

Бессспорно, что с каждым годом больше становится у нас хороших столовых, сокращается список дефицитных товаров в магазинах, реже звучат упреки в адресах пищевых ателее и ремонтных мастерских... С живейшим одобрением встречены последние известные постановления партии и правительства об улучшении бытового обслуживания населения. О самых будничных материях идет в этих постановлениях речь, но цель разговора очень и очень значительна! Цель одна: надо, чтобы человек в нашей стране год от году жил лучше во всех отношениях. Надо, в частности, чтобы повседневные бытовые заботы и хлопоты давались ему все с меньшей затратой энергии и времени.

Ведь это очень обидно — тратить свои силы и время на хождение из магазина в магазин в поисках необходимой, но, по существу, отсутствующей вещи. Или откровенно отсутствующей, книги, конспекта, только потому, что весь досуг ваш поглотила такая трудоемкая, неаппетитная, неблагоприятная домашняя жизнь. И чем дальше, тем все обидней, все огорчительней выглядят эти в наших глазах именно потому, что жизнь в целом становится вокруг насущней, ярче и каждую минуту свободного времени хочется и можно наполнить умным, стоящим делом.

Так уж устроен человек: он может безотрывно вынести самые значительные физические трудности, если знает, что порождены они серьезными причинами, но приходит в ярость от сравнительно мелких затруднений, единственным объяснением которых является что-то равнодушное и несправедливое.

Сколько гневных и недоуменных писем приходит в редакцию любой газеты, любого журнала по поводу таких маленьких, противных, нивест отаких возникающих «проблем». Почему в аптечных магазинах нас то и дело встречают добротные, рассчитанные на долгую службу, красиво начертанные предупреждения: «Ваты нет», «Линькой бумаги от мух нет». А почему, собственно, нет?

У нас отнюдь не ощущается недостатка в так называемых кожевенно-галантерейных изделиях. Чемоданы, монументальные хозяйственные и миниатюрные театральные сумки, бумажники и прочее — все это в изобилии видны в магазинах. Товар ищет покупателя, а не наоборот, и потому во многих местах устраиваются специальные выставки-распродажи. И при всем этом — купите-ка обыкновенный школьный ранец... купите-ка маленький и удобный дамский портфельчик.

Ложка дегтя... Подсунуть ее можно куда угодно. Мне помнится чудесная поездка ранней осенью по Неве и Ладожскому озеру на прекрасно оборудованном экскурсионном теплоходе «Шевченко». Все, кажется, на этом теплоходе предусмотрено

и нужнейших очерков, которые делаются гонимой литературе.

Я БУДУ говорить только о произведениях последних двух лет и главным образом написанных москвичами. Мне не раз доводилось слышать мнение, что эти годы небогаты хорошими произведениями. Думаю, с этим согласиться нельзя.

И с детства, с детства, от одного Плену-ма ЦК к другому мудрые партийные решения направляют жизнедеятельность нашего народа, выдвигают все новые задачи, смело отменяют то, что мешает нашему движению вперед. Эти задачи, естественно, преломляются и в литературе. Не случайно, что именно в последние годы с особенной силой зазвучала тема доверия к людям в таких вещах, как «Жестокость» Нилина, «Судьба человека» Шолохова. Не случайно появились такие произведения в первом периоде существования нашего строя, как «Черные сушари» Драбниной и «Первые годы» Виноградской. Живительное влияние партийной мысли и практических дел нашей партии не могло не отразиться на большинстве произведений — в том числе и на книгах о Великой Отечественной войне, с которых я и начну разговор о прозе.

Книги о войне, появившиеся в истекшем году, мне кажется, не только расшпируют военную тему, но, несомненно, внесут в нее и нечто новое. Этому могут, очевидно, то, что правда о войне в последние годы открылась более полно, хотя, может быть, и более сурово.

Эту суровую и горькую правду о первых месяцах войны мы находим в новом романе Симонова «Живые и мертвые». Книга с первых же страниц воссоздает атмосферу тех трагических месяцев, но, одновременно, с первых же страниц мы чувствуем, какая огромная потенциальная сила заложена в советских людях, в советском строе. Новый роман Симонова — большая удача нашей литературы.

Особо стоит повести «Последние залпы» Бондарева и «Пядь земли» Бакланова. Повесть Бондарева принята критикой и читателями почти единодушно как вещь бесспорно значительная, талантливая по большому счету. В повести же Бакланова, также, безусловно, талантливый, недостаток, может быть, больше, но эти недостатки вряд ли дают основания для резкой критики этой вещи.

«Пядь земли» находит перегруженной натуралистическими подробностями. Возможно, в этом есть доля правды. Художественное изображение действительности требует строгого отбора деталей, точного чувства меры в этом отборе. Возможно, это чувство меры где-то изменяет Бакланову. Некоторые критики даже применяют к этому поводу термин «эмпиризм». Действительно, в повести отдельные детали словно перечислены из романа «На Западном фронте без перемен», например хлеб, измазанный кровью. Но разве это дает какое-либо основание ставить на одну доску эти произведения, написанные разными писателями, в разное время, при разных исторических обстоятельствах? Одно из них, хотя и продиктовано гуманизмом и подлинной человечностью, пропитано горькою обреченностью, другое дышит душевным здоровьем, силой, проникнуто ясностью перспектив.

Мы давно ждали хорошего произведения о Советской Армии мирного времени. И вот в последних номерах журнала «Знамя» появился роман Березко «Сильнее атома». В этом романе с необыкновенной ясностью показаны гуманистическое назначение нашей армии, борьба за партийный дух в армии. Роман дает точное ощущение времени, событий в мире. В нем есть и недостатки. Мне кажется, автор вряд ли правильно решил судьбу Парусова при помощи орывков. Это — натяжка. Но книга заставляет думать, спорить, и это хорошо.

Т ЕМА минувшей войны долго еще будет восприниматься, как современная. Но сейчас обратимся к произведениям прозы на современную тему в самом прямом смысле слова. Книги, вышедшие за последние годы, дают основание говорить о решительном повороте нашей литературы к этой теме.

Многие из присутствующих, наверное, прочтала обязательную повесть А. Рекмечука «Время летних отпусков», помнят удивительный «Древенский дневник» Доросла, такие вещи, как «Трансатланта» Сажина, «Остров всех надежд» Борщаковского, «Партийное поручение» Овалова.

Ирина ГОЛОВАНЬ

но для того, чтобы человек отдохнул как можно лучше. Безусловная чистота, комфорт, десятки удобных мелочей... Приветливые девушки-проводницы, которые встречают вас, как старых знакомых, улыбаются вам... А вечером в уютном ресторане можно было услышать следующие диалоги:

— Стакан чая, пожалуйста.
— Не готовим. Только кофе или какао.
— Жаль, а впрочем, пустяки. Стакан кофе и пирожное.
— Пирожных нет.
— Жаль, а впрочем... Ну, булочку, кекс.
— Ничего нет.
За соседним столом спрашивают шампанское.

— Только водка и портвейн.
А ведь теплоход лишь три часа как оставил Ленинград, где, право же, не наблюдалось недостатка ни в пирожных, ни в шампанском, ни в чае... И, главное, вообще-то в ресторане на теплоходе еды предостаточно, голодная смерть здесь никому не угрожала, но все это было уже не то, не так, как хотелось людям, и благодарности отнюдь не вызвало.

Итак, снова — почему? Почему один или два невнимательных, небрежных человека имеют право подпортить настроение десяткам, а то и сотням людей? Английское слово «сервис» означает обслуживание. Но житейски это куда более емкое понятие. Это — обслуживание на определенном уровне, заботливое, предупредительное, включающее в себя и приветливую улыбку, и готовность сделать для клиента чуть больше того, что предусмотрено правилами. Не будем сейчас касаться того обстоятельства, что в странах, где обрело свою громкую известность выражение «сервис», истинные взаимоотношения людей по самой своей природе далеки от доброжелательной заинтересованности. Пусть там улыбки и вежливые слова прикрывают безразличие. Само по себе хорошее обслуживание, однако, нужно всем и каждому.

Работать так, чтобы постоянно от каждого посетителя, потребителя, клиента, заказчика заслуживать слова благодарности, — вот что требуется от всех, кто причастен к строительству быта советских людей. Это и есть обслуживание на высоком уровне. Но понятно, что о нем и речи не может быть там, где торговый работник озабочен не тем, чтобы нужная вещь появилась у него на прилавке в нужное время, а изгнанием хороших людей: «Ваты нет»... Странно, но у многих покупателей появилась даже совсем новая манера обращаться к продавцу.

— У вас нет тапочек на коже? — спрашивает покупатель.
— У вас нет теплого белья? — и, услышав равнодушное «нет» продавца, удаляется. Можно подумать, что затем только и приходил он в магазин, чтобы проверить свои предположения!

Однако не всегда все обстоит благополучно и там, где продавец отвечает — «есть»!
Магазины «Одежда» на Садовой улице в Ленинграде. Болтал с подосевшей знакомой, не глядя, провалившаяся одной рукой снимает с вешалки и протягивает покупателю костюм. Не заглянула в примерочную, не подала совета, даже просто не посмотрела в лицо, ухитрилась не заметить, что перед ней живой человек. На доволной робкий упрек ответила сердито и с глубокой убежденностью в своей правоте: — Подумайте... Какие принципы! Я ж вас обслужила!

Нет! Не обслужила.
Красивый магазин подарков в Москве на улице Горького. Красивые вещи. Красивые девушки с модными прическами и серебривыми губками. Но, завернув покупку, эта самая девушка говорит почему-то грубо и раздраженно: — Ну, забери-те!

Кто же в ответ ей скажет «спасибо»!
А ведь мы вправе требовать сегодня и от продавца, и от официантки в столовой, и от кондуктора в трамвае обслуживания на определенном культурном уровне. Вправе считать, что доброжелательное

отношение, элементарная любезность и внимательность к тем, с кем они встречаются по работе, отнюдь не являются делом их личной склонности, характера, характера или дурного настроения. Это — одно из предельных к ним профессиональных требований.

Нельзя, разумеется, забывать, что такое требование не может быть односторонним. Трудно, например, рассчитывать, что манера держаться, вежливые поступки двадцатилетней девушки-продавщицы сложатся раз и навсегда за несколько месяцев в школе торгового ученичества. В дальнейшем этот стиль формируется под воздействием среды, в которой изо дня в день находится девушка. А ее среда — это не только коллектив работающих вместе с нею людей, но и весь многогранный поток покупателей, с утра до вечера шумящий подле прилавка.

Да, безусловно, наш «сервис» в некоторой части — дело наших собственных рук. И просто необходимо давать возможность обслуживающим нас людям — в магазине, в трамвае, в столовой, в мастерской — в свою очередь адресовать нам «спасибо».

Вероятно, надо также как-то вспомнить, больше рассказывать о тех скромных людях на скромнейших должностях, которые работают с жеманкой, с душой, с чувством настоящей заботы о своих заказчиках, клиентах, посетителях.

«Специально езжу к Васильевского острова, чтобы есть ваши пирожки» — одна из записей в книге для посетителя «пирожковой» в Ленинграде на Невском проспекте. Много «пирожковых» в городе, а все же вот эта — самая популярная. Не потому ли, что здесь не только вкусно готовят, блюду чистоту и порядок, но и вкладывают в дело выдумку, ищут способ порадовать людей. Придумали, например, какие-то особенные, «фирменные» пирожки... Пустяк, а хорошо!

Есть при большом универсаме «Пассаж» свой промкомбинат, ютящийся в тесном помещении, но богатый настоящими художниками своего дела. Модельер Людмила Семеновна Колпакова создает одежду для малышей — обладает ее с большим искусством и с большой любовью. Маленькие вещицы ее работы вносят в каждый дом радость, вызывают хорошую улыбку на лицах. Так нужно одевать детей! На выставках готовой продукции внимание покупателей не раз привлекала работа 22-летней Леры Журавлевой. Из простейшей, залежавшейся на полках ткани эта девушка «сочинила» такие вещи, что покупательницы теряли душевный покой.

Вот таким людям охотно, с радостью адресуешь слова признательности. Но, быть может, их совсем мало, они составляют лишь приятное исключение на общем фоне? Нет, это неправда — таких людей много. Бедла лишь в том, что рядом с ними, на тех же правах, на том же положении занимающихся одним с ними делом работников много склада и направления. Те самые, о которых речь шла выше, неисправные любители лоща дегтя.

Впрочем, действительно ли — неисправимы? Если обвинить настоящую войну всяческим проявлениям хамства и безразличия, если каждая попытка испортить людям по пустякам настроение будет встречать крутой отпор, резкое осуждение, то разве не сластя и эта «крепость»?

Так будем же нетерпимы, беспощадны к равнодушию и бескультурью, где бы и как бы ни заявляли они о себе. Будем щедры на искреннюю благодарность там, где нас обслуживают действительно хорошо. И пусть оно повсюду звучит как можно чаще, это доброе и совершенно необходимое в жизни слово: «Спасибо»!

НА ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА

В Москву для участия в юбилейных торжествах, посвященных 100-летию со дня рождения великого русского писателя Л. П. Чехова, приехал член Всемирного Совета Мира, председатель Союза польских писателей Ярослав Ивашкин. Я. Ивашкин посетил редакцию литературы газет и журналов, а также встретился с рядом советских писателей.

На юбилейные торжества приехал также известный индийский писатель Али Сардар Динафри.

Художественное изображение действительности требует строгого отбора деталей, точного чувства меры в этом отборе. Возможно, это чувство меры где-то изменяет Бакланову. Некоторые критики даже применяют к этому поводу термин «эмпиризм». Действительно, в повести отдельные детали словно перечислены из романа «На Западном фронте без перемен», например хлеб, измазанный кровью. Но разве это дает какое-либо основание ставить на одну доску эти произведения, написанные разными писателями, в разное время, при разных исторических обстоятельствах? Одно из них, хотя и продиктовано гуманизмом и подлинной человечностью, пропитано горькою обреченностью, другое дышит душевным здоровьем, силой, проникнуто ясностью перспектив.

Мы давно ждали хорошего произведения о Советской Армии мирного времени. И вот в последних номерах журнала «Знамя» появился роман Березко «Сильнее атома». В этом романе с необыкновенной ясностью показаны гуманистическое назначение нашей армии, борьба за партийный дух в армии. Роман дает точное ощущение времени, событий в мире. В нем есть и недостатки. Мне кажется, автор вряд ли правильно решил судьбу Парусова при помощи орывков. Это — натяжка. Но книга заставляет думать, спорить, и это хорошо.

Т ЕМА минувшей войны долго еще будет восприниматься, как современная. Но сейчас обратимся к произведениям прозы на современную тему в самом прямом смысле слова. Книги, вышедшие за последние годы, дают основание говорить о решительном повороте нашей литературы к этой теме.

Многие из присутствующих, наверное, прочтала обязательную повесть А. Рекмечука «Время летних отпусков», помнят удивительный «Древенский дневник» Доросла, такие вещи, как «Трансатланта» Сажина, «Остров всех надежд» Борщаковского, «Партийное поручение» Овалова.

Надеюсь, многими прочитан и новый роман Буневнова «Ориная степь». Это первая крупная вещь об освоении целины. В ней рассказано о необъятных степных просторах, о самоотверженном труде молодежи, о твердости и воле главного героя романа Леонида Багрянова, о его борьбе с равнодушием и подлостью. Досадно только, что автор иногда сбивается на риторику, что в языке романа много штампов, безвкусных красноречий.

Писатели показывают со всей силой таланта положительные примеры нашей действительности одновременно вскрывая и то, что мешает нашему движению вперед. В романе Горелика «Обещание» остро изображена так называемая «показуха», рассказано, как иногда руководители завода спленируются на славе рабочего-изобретателя, рассматривая ее как важный козырь в своей карьеристической игре.

Упоминать здесь книги различные по художественному уровню, некоторые с существенными недостатками, но при всем этом их объединяет одно: мир этих произведений заселен людьми труда, в большинстве рядовыми тружениками.

Тема труда возникла в литературе не сегодня, она проходит через всю советскую литературу. Но сегодня, когда мы приступили к развороту строительства коммунизма, она приобрела особое, я бы сказал, несправедливое значение. Эта тема — в связи с перестройкой системы народного образования — играет особую роль в юношеской и детской литературе.

В течение долгого времени для подрастающего поколения выработался традиционный путь: школа — институт. Кем быть? — эта наиболее существенная проблема решалась юношеской литературой так: в какой институт подать документы? И вдруг привычный порядок нарушился: сотни десятиклассников, рухнувших в институты, не были приняты и остановились на распутье. Необходимо было срочно встать, показать, что есть пути не менее интересные и верные. Первой книгой, ответившей на эти вопросы, была повесть молодого писателя, Гладина «Хроника времен Виктора Подгурского». В этой повести обращает на себя внимание фигура центрального героя, умного мальчика, для которого долгие годы учебы, искусственно изолированной от жизни, сделали болезненным столкновение с действительностью.

Позднее появилась повесть на эту же тему Н. Ивантер «Снова август». По охвату жизни эта повесть шире повести Гладина, но она, несомненно, уступает ей в художественной убедительности. Глубже и эмоциональнее решаются все эти проблемы в талантливой повести А. Кузнецова «Продолжение легенды». Таковую же эмоциональную окраску имеют и рассказы еще одного молодого писателя — А. Мошковского.

«Кассиль в своей последней книге «Про жизнь совсем хорошую» сделал интересную попытку просто и образно поговорить с ребятами среднего школьного возраста на сложные социальные

Осенние рассказы

Юрий Куранов — молодой писатель, всего четыре года назад начавший выступать в центральной печати («Правда», «Новый мир» и др.). Живет он сейчас в селе Пещице Костромской области.

Юрий КУРАНОВ

его процедились сквозь сомкнутые кроны, поселенели и зажали прошлогоднюю листву сиреневым сиянием. Обочь дороги на этой сиреневой листве и я увидел бегущий босой след. На ближайшей дорожной излучине хозяина следа должен был, глубоко наклонившись, пройти под тяжелой лапой почтенной ели.

Эта еловая лапа голубыми от дождя иглами крохотко держала на ветру длинный желтый волос. Волос скручивался в широкую сверкающую спираль, ветер старался разогнать его, но проза уже прошла, и силы у ветра не хватало. Женщина явно торопилась, словно за кем-то поспешая, проваливаясь сквозь листву в грязь, но все-таки не вхожая в ручьи. Я вышел из ручья, осторожно ступая там, где прошла она. Моя широкая нога закрывала ее ступню без остатка. Мне хотелось идти по этому следу, куда угодно.

Ручей свернул с дороги и ушел в лес по оврагу. Теперь я понял, за кем спешила светловолосая лесная путешественница, потому что из ручья вышел на дорогу широкий мужской след. Но я все продолжал идти за ней, пока следы вели по гнилой холодной дороге. Когда дорога замыкала на небывалый песчаный косяк, словно с небасвалился на нее третий, крошечный, детский след.

Что делать? И я свернул в чащу, потому что уже давно прошел тропинку, которая могла привести меня прямо к дому.

КОРАБЛИ

Вокруг села растут срубы. Их рубят, их громоздит прямо на лужайках, просто на земле. Потом их разбирают и разбирают ступают, где нужно ставят дом. Издали эти длинные пустые сооружения на взгористых окраинах напоминают корабли. Корабли с ожиданием смотрят в желтые дали осени, откуда дует листво, облаками. Вернись, что вот-вот и двинутся эти белые молодые суда в бесконечный счастливый поход. На встречу дням, навстречу ветру, навстречу запахам палой листвы.

По срубам бегают ребятишки, вытлаивают в окна, играют в какие-то новые вещи игры. Вот они, они, они и станут капитанами этих кораблей в их далеких, неведомых странствиях.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ

За селом по аэродрому народ. Провожают новобранцев. Пришли самолеты. Новобранцев проводили.

Возвращаясь в село, скалывает глубокая старуха объясняет своей дочери: — Ну вот, Пашка, дело сделано. Митяка пошел армии честь сослужить. Теперь одно главное волнень осталось: замуж тебя отдать.

— Не пойду замуж, — говорит пятнадцатилетняя Пашка, морщит лоб и никак не может собрать на вешучатку нежном лбу морщинки. — Ты чего, абу ум потеряла? — Выдешь, а его забурт слугить, вот и сохни тогда. Нарвешься, и что? — Ой, давай, к тому времени, може, и совсем брать перестанут. По радну-то аль не слышвала, что сназывают?

ЛИСТЬЯ

Те самые листья, которые так недавно шумели высоко под облаками, теперь летят ко мне под окно. — Куда вы летите? Они толпятся у завалины торопливой золотой стаей. Они селятся поведать мне что-то. Но я не понимаю речей их. — Чего?

Тогда они летят к малышу Гельке, который сидит посреди дороги и возводит из пыли какие-то лиловые возды. Они окружают его. Они вспаркивают ему на локти и на плечи. Он улыбається им, он подбрасывает их, он их ловит. Он ни о чем их не спрашивает. Они ничего ему не говорят.

Н А НАШИХ съездах и в печати мы очень часто говорим о качестве литературы. Я уже сказал, что в этом году появилось немало хороших произведений, обогативших нашу прозу, но это не должно успокаивать нас. Высокая требовательность к художественному качеству должна быть для нас непререкаемой. Споры нет, первые книги молодых авторов могут быть далеко не совершенными, несмотря на свою талантливость. Средняя книга может появиться и у писателя уже сложившегося. В большем объеме литературы могут быть книги различной художественной ценности. Но нельзя успокаивать нас, как делают некоторые товарищи, что не ничего нет плохого, если «средних произведений и книг, страдающих просто недостаточным художественным мастерством», будет издаваться больше, чем хороших. Велять в литературу дух терпимости к художественно слабым произведениям — это значит обезоруживать ее. Подобная проповедь на руку только литературным ремесленникам.

Н. Асанов, а вслед за ним Б. Дьяков и В. Дружин упрекали работников издательства в том, что они будто бы взяли установку на генеральство. Это, конечно, недоразумение. Приведу несколько статистических данных. Только за один 1958 год и только книг русских советских писателей вышло 3025 названий. О какой тут установке на генеральство может идти речь? Не в установке на генеральство надо упрекать издательства, а в том, что они не всегда издают хорошие, нужные книги.

Говорить о высокой требовательности к произведениям — это значит, кроме всего прочего, говорить и о лаконичности. Чернышевский как-то писал: «Особенно нам, русским, должна быть близка и драгоценна сжатость». К сожалению, большинство современных романов, вышедших в последнее время, не отличается этим драгоценным качеством. Даже такой талантливый роман, как «Битва в пути», сильно выиграл бы, если бы первая треть его была написана экономайне.

В минувшем году сразу появилось несколько повестей. Отрадно, что этот лаконичный и емкий жанр начал снова активизироваться. Что же до рассказов, то этот жанр у нас еще не в большом почете. А напрасно. В декабре минувшего года, как известно, состоялся пленум Центрального Комитета нашей партии. И разве не отрадно было прочитать в те дни, когда еще

Они поняли друг друга. Они просто играют.

ПЛОТК

На холме стояла девушка. Над холмом улетали журавли. Девушка, сняв с головы платок, с журавлями прощалась платком. Она растянула его над головой, и ветер надул его, ветер хотел превратить его в птицу. Платок поверил ветру и рванул в небо.

Я испугался, что девушка поверит платку, отпустит его, и тот упадет, обескрылется. Но девушка не поверила. Она только долго еще держала платок над головой, с журавлями прощаясь, хотя уже и видно их не было в серой облачности неба.

НА ПУТИ

Над лесами идут дожди. Дожди хотят, чтобы верили в глушь разрозненных болот, в эту серую хмарь непогоды.

Над дождями идут самолеты. Мы верим в самолеты, в их солнечные пути.

(Юношанье. Начало на 1-й стр.) такое количество материала, которого для другого писателя с изрядным хватом бы на целый роман. Такая маленькая повесть-роман — тоже одно из открытий Чехова. До него так емко не писали, да и после него, откровенно говоря, так писать еще не научились.

Развитие этого чеховского открытия — впереди. Уже это одно делает Чехова совершенно новым, оригинальным явлением не только в русской, но и в мировой литературе. И уже не говорю о поразительном жаровом разнообразии Чехова: и миниатюры, и повести, и драмы, и водевили, и записные книжки, которые, кстати сказать, после Чехова стали особым литературным жанром.

Чехов создал громадную галерею типов и характеров всех классов современного общества. С поразительной достоверностью он изображал мужиков и помещиков, мнistrов и белошвей, офицеров, жандармов, куццов, рабочих, капиталистов, священников, лакеев, хористок, кондукторов, матросов и великое множество прочих жителей Российской империи.

При этом каждый человек — как бы мало ему ни было отведено автором места — не условная фигура, не иероглиф, а подлинный, живой, многогранный человеческий характер, общественное явление со всеми своими большими или малыми противоречиями, с неповторимыми чертами и особым характерным языком.

Понятно, что этого достигнуть простым изучением действительности нельзя. Нужно горячо любить свою родину, свой народ. Будучи человеком из народа, Чехов всегда жил народными интересами, жил для народа. «...Ведь я не пейзажист только, — говорит чеховский Тригорин, — а ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека...»

Можно не сомневаться, что это были и мысли самого Чехова, написавшего в записной книжке: «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья...»

Чехов умел и любил изображать хороших, мыслящих людей, мечтающих о прекрасном будущем, любящих нестать о чистых сердцах, простых женщинах, о детях, о животных, о птицах. И все, к чему ни прикасалась его добрая болющая рука, начинало светиться радостью, теплотой улыбки. Но в основном ой, конечно, был художник-разоблачитель. На первый взгляд он кажется мягким, даже лиричным. Но вчитайтесь в Чехова. И даже в самых мягких его вещах вы вдруг почувствуете беспощадного сатирика, ской

Московское утро

Фото В. Ахлюмова

ДОБРОЕ, БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

своей, на мой взгляд, ничуть не уступающей Шехрину или Гоголю, а кое-где и превосходящей их жизненным правдоподобием, художественной достоверностью.

Его сатира зачастую облечена в скромные бытовые одежды. Но тем неожиданней и сильнее она действует.

При внешне спокойной, даже как бы холоднодушной манере Чехов с такой глубиной и внутренней страстью вскрывает пороки отдельных людей и всего общества, что иначе, как великим сатириком, его не назовешь.

Он рубит под самый корень ненавистный ему мир русского мещанства и обывательщины, с несмысленной слайой он бичует, беспощадно высмеивает человеческую жалость, жестокость, самолюбие, глупость, чванство, бездарность, стыдливость. Он, например, за уши вытяскивает на свет божий и показывает всему миру опасного тупицу, дьявольски живую разнообразность «научнообразных» в лице профессора Серебрякова, который, как об этом в отчаянии восклицает несчастный для Вана, «вро-но двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Двадцать пять лет он пережевывает чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом взоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неизгнтересно: значит, двадцать пять лет переживает из пустого в порожнее».

Чехов показывает также страшную и на вид такую безобидную, миленькую мещаночку Натану из «Трех сестер», а на самом деле беспощадную хищницу, ищущую ада, воплощенное мещанство — злобное, воинствующее, изобразленное в самом его омерзительном виде. Чехов выставляет на всеобщее обозрение мракотеса, человеконенавистника, настоящего современного расиста Равеншва из «Трех сестер».

«ЖДЕМ ВАС В БАКУ»

Помалюк, никогда в Союз писателей Узбекистана не поступало столько писем и телеграмм, не было столько телефонных звонков, как в дни Недели азербайджанской литературы в республике. И все с одной просьбой: обратиться к азербайджанским писателям... приехать на вечер, на встречу, просто в гости.

Но вот закончилась поездка гостей по республике. В ташикентском доме литераторов собрались писатели, критики и литературоведы Ташкента, чтобы поговорить с соборниками по перу о насущных вопросах двух братских литератур.

Не было в этот день писателя, который в своем выступлении так или иначе не затронул бы вопросы традиций и новаторства. И это понятно, Азербайджанская узбекская литературы имеют свои богатые классические традиции. Бережное и в то же время критическое освоение классиче-

ского наследия, использование всего лучшего и отказ от обветшавшего, мешающего реалистическому изображению нашей действительности, — одна из актуальных задач. Об этом говорил на встрече узбекский критик В. Закидов.

Азербайджанский прозаик А. Велиев свое выступление посвятил проблеме полонистельного героя.

Борьба за высокий уровень поэзии, за поэзию глубоких мыслей и светлых человеческих чувств, борьба против мелкоты и упрощенчества в стихах и поэмах — вот вопросы, о которых говорили азербайджанские поэты С. Рустам и М. Рагим, узбекский поэт М. Шейхзаде.

— Ждем вас в Баку, — так говорили писатели Азербайджана, прощаясь с узбекскими друзьями.

ТАШКЕНТ. (Наш корресп.)

сказка «В усадьбе» с его: «В хари! В хари! В хари!» и холодного эпистола, петербургского чиновника, консерватора Георгия Орлова из «Рассказа неизвестного человека».

Чехов, конечно, не был революционером. Но дело, которое он делал, — беспощадная критика современного общества и государственного строя, — сыграло, мало сказать, прогрессивную роль, — оно оказывало определенно революционизирующее влияние на сознание сотен тысяч и даже, быть может, миллионов его прижизненных читателей.

Молодой Ленин, один из читателей Чехова, прочитав в журнале рассказ «Палата № 6», так выразил свое впечатление: «...Богда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

Это, быть может, самое драгоценное для нас свидетельство силы чеховского гения.

Художественное сознание Чехова не отставало от жизни, что постоянно случается с писателями среднего таланта. Наоборот. Сознание Чехова почти всегда опережало время. А быть впереди своего времени — это и есть главный признак подлинного художника.

Опережая свое время, Чехов был провозвестником новой, светлой жизни, которую угадывал в будущем.

Он говорил о гармоническом человеке, в котором «должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Но в том страшном мире капитализма, в котором жил Чехов, это было несуществвимо.

Нужна была революция. «...Здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка», — говорила словами чеховского Тузенбаха из «Трех сестер».

ПОДДЕРЖАТЬ ЦЕННУЮ ИНИЦИАТИВУ

СЕКРЕТАРИАТ правления Союза писателей СССР обсудил недавно письмо группы советских художников «Любите прекрасное», опубликованное 3 января в газете «Правда». Отметив глубокую важность эстетического воспитания трудящихся, и в особенности молодежи, в условиях развернутого строительства коммунизма, секретариат постановил: одобрить ценную инициативу художников, авторов письма в «Правде», предложить объединить усилия всех творческих союзов по развертыванию в стране широкой эстетической пропаганды; поддержать предложение о проведении объединенного пленума всех творческих союзов для всестороннего обсуждения задач творческой интеллигенции в этой области.

Правлением союзов писателей, режиссеров, редакторам коллегиям журналов и газет, направлениям и советам издательства, творческим комиссиям и секциям поручено обсудить письмо художников и наметить конкретный план своей работы по эстетической пропаганде.

Секретариат обратился к писателям страны с призывом принять деятельное участие в эстетической пропаганде.

Эта надвигающаяся на всех нас громада была Великая Октябрьская социалистическая революция с ее бесмертными коммунистическими идеалами. Только она одна могла превратить раба в свободного, гордого, гармонического человека, о чем всю жизнь так страстно мечтал Чехов.

Однако Чехов не был пустым мечтателем. Страстная, беспокойная, горячая любовь Чехова к своей родине и к своему народу была не пассивна и не сентиментальна. Это была любовь деятельная, требующая вмешательства художника в жизнь, освещающая все пороки общества для того, чтобы народ мог их познать, а познавши, уничтожить.

Чехов не был созерцателем. Он был боец.

Он говорил: «Все мы народ и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народа».

Популярность Чехова не только в нашей стране, но и во всем мире огромна.

За сто лет со дня его рождения в истории человечества произошли грандиозные события.

Однако Чехов выдержал испытание временем. Он не только пережил это потрясающее столетие, но слава его не только выросла и, что самое замечательное, продолжает расти.

Чехов из писателя национального стал писателем всемирным.

Нечего и говорить, как много мы все, вся советская литература, обязаны своим развитием гению Чехова.

Влияние чеховской школы явственно ощущается во всем мире. Нет возможности перечислить всех крупных писателей пяти континентов нашей планеты, в той или другой степени испытавших на себе влияние Чехова. Достаточно назвать таких постинте громадных художников нашего времени, как Томас Манн, Голсуорси, Марлен дю Гар, Лу Синь и многие, многие другие.

Чехов по-прежнему продолжает учить свой народ и все другие народы мира ненавидеть мещанство. Он и сегодня бичует стяжательство, грубость, лицемерие, ложь, разврат, человеконенавистничество, преклонение перед золотом — все пороки, доставшиеся в наследие от старого мира, время которого не всюду на земном шаре еще истекло.

Весь мир празднует сейчас радостный день рождения Антоана Чехова, великого русского и всемирного писателя — новатора, гуманиста, учителя.

Есть нечто глубоко знаменательное в том, что столетие со дня рождения Чехова отмечал во всем мире сотни миллионов людей, которые хотят, чтобы наша земля была не атомным полигоном, а прекрасным садом и небо было в алмазах, как об этом часто мечтали и чеховские герои, и он сам.

Стучалось и другое: некоторые произведения недооценивались.

«Стих дело невеликое, а пнит в человечестве есть нечто редкое», — сказал еще Тредиаковский. Мы знаем, что далеко не каждое время было ослепительно существованием истинных поэтов. В двадцатые годы прошлого века творил Пушкин, в тридцатые — рядом с ним встал другой великий поэт — Лермонтов. В двадцатые годы нашего века гремел голос Маяковского, писал неповторимый Есенин. Но было и такое время, когда первым поэтом считался Надсон.

Что же сказать о конце пятидесятих годов? Думаю, что природа не обидела наше время поэтическими талантами. Сегодня живут и работают среди нас подлинные поэты. Какие же книги, вышедшие в конце пятидесятих годов, следует отметить как наиболее значительные явления поэзии?

Первое место должно, безусловно, занять книга Луговского «Синяя весна», полная романтики и нежности, мужества и дум о нашем времени. Не многословными, но глубокими и волновальными стихами встретил шестидесятилетие Сельвинский. Примечательна книга поэм Федорова «Белая роза». В них нет четко выраженной индивидуальной интонации, иногда их ослабляют отдельные рыхловатые и вялые места, но при всем том в этих поэмах покоряют лиризм, живопись и глубина. Упомяну книгу Кирсанова «Этот мир» со стихами о Ленинграде, о заграничье, с лирическим циклом. Это едва ли не самая лучшая из всех книг поэта.

В новой книге Смелякова «Разговор о главном» есть много стихов превосходных. В русской поэзии, пожалуй, нет другого поэта, который бы с такой вылюбленностью и взволнованностью писал о труде, о комсомольской работе молодежи. Он даже о трактористе пишет с такой нежностью, как о человеке: «...То шел вальд людской стены, оставляя на камне метки, трактор бедной еще страны, шумный перенек пятилетки.

...Он распахнет навстречу полонину степей планеты, младший братец бровенка, утвердившего власть Советов.

(Юношанье на 4-й стр.)

